

– Егорка, иди обедать, а то простынет всё! Где тебя носит, пострел! – вопила бабка Полина на всю округу.

И Егор уже бежал по знакомой тропинке, вдоль старого забора, мимо маленьких домишек, занесённых снегом по самые окна. Соседские старушки судачили на тропинке. Завидев Егорку, покачали головой, зашептали: «Сиротинушка, горемыка». Егору шёл седьмой год. После смерти матери, отец много работал, дома появлялся крайне редко, вот и взяла его баба Полина к себе. Полина была доброй старушкой, но вся опека над Егором сводилась к тому, чтобы накормить, одеть, обогреть. Все дни у Полины были похожи один на другой.

Забравшись на печку, уткнувшись глазами в одну точку на потолке, Егор думал, как было бы здорово, если бы мама была жива. Часто в детской памяти Егора всплывали обрывки его прежней жизни: маму звали Марией, она часто болела, отец сидел у её кровати, держал за руку. Потом истошные вопли бабы Полины, он, Егор, плакал от испуга, глядя на неё...

Иногда, по выходным, отец забирал Егора домой, и это были его самые счастливые дни. Они что-то мастерили, чинили, отец рассказывал о своей работе. Время с отцом пролетало быстро, и Егор, как мог, по-детски растягивал эти моменты: ловил каждое слово, каждый взгляд. А к вечеру начинал уговаривать отца не уводить его к Полине.

– Мал ты ещё, – скупно говорил отец, – подрасти надо.

«Ну как же так, – думал Егор, – бабка Полина говорит, что он уже большой и должен помогать ей: откидывать с дорожки снег, носить дрова. Отец же, напротив, говорит, что ещё мал, что время не пришло». Егор не мог понять, когда «придёт это время» и он станет большим, когда отец заберёт его домой и они будут жить вместе. В такие минуты ему хотелось забраться на печку и дать волю слезам. Забравшись на печку, уткнувшись носом в подушку, ему казалось, что эта тоненькая занавеска, что отделяла печку от комнаты, могла его огородить от всех несчастий, что свалились на него. Не любил Егор эти длинные, зимние вечера.

Время шло. Наступили весенние деньки. На улице стало заметно теплее, снег потемнел и начал таять. Все радовались приходу весны. Егор уселся у окна наблюдать, как воробей купается в первой луже. Серый озорник то и дело барахтался в воде, звонко чирикал, как будто приглашая его, Егорку, на улицу. Егор, напялив большие, не по размеру сапоги, шапку, выскочил на улицу. В калитке он столкнулся с отцом и, совсем ошалев от радости, забыв, зачем шёл на улицу, бросился на шею к отцу.

– Ну что, сынок, собирайся, пойдём домой! – сказал отец.

Егорка запрыгал от счастья на одной ноге вокруг отца. Не чуя под собой ног, он вбежал в дом, и радостно закричал:

– Баба Поля собирай меня домой. Папка пришёл! Полина всплеснула руками и заплакала. Расстелив платок,

аккуратно сложила небогатые пожитки Егора, затянула узел и подала отцу.

– С Богом. Ступайте, – осенила крестным знаменем Полина уходящих по тропинке отца и сына.

Егор радостно бежал по дорожке, то и дело забегая вперёд, без умолку тарыхтя, как они сейчас заживут, строя свои детские планы на взрослую жизнь.

Переступив порог дома, Егор сразу обратил внимание на перемены: на окнах висели светлые занавески, на полу ровно расстелены половички, как-то тепло и уютно было вокруг.

– Познакомься, – отец выдержал паузу. – Это тётя Аня. Будет жить с нами.

В дверях стояла молодая женщина. Она мило улыбнулась и протянула руку.

Не так Егор представлял своё возвращение домой! Какое-то странное чувство охватило его, в голове перемешалось всё: и недавний приступ радости, планы на будущее и слёзы бабки Полины. Егор сделал шаг назад, убрал руки за спину и, как маленький, спрятался за отца.

– Ничего. Привыкнет. Он уже большой, – сказал весело отец. – Накрывай на стол, Аннушка.

За столом отец с тётей Аней разговаривали о том, что не мешало бы прикупить корову, о том, что Егорка уже большой и будет помогать. Обращаясь к Егору, тётя Аня гладила его по голове. Егор старался отклонить голову, рука тёти Ани скользила по плечу, он отводил взгляд и медленно жевал хлеб.

После обеда отец во дворе занимался строительством сарая для будущей коровы, Егорка крутился возле него. Он старался изо всех сил помогать отцу, чтобы тот, наконец-то, понял, что не нужен им никто. Егорка сам всё будет делать. Разговор не клеился. Отец и сын молчали, каждый думая о своём.

Так прошёл день, спать Егору постелили в отдельной комнате. Было немного страшно, и он залез под одеяло с головой, лежал так, пока не уснул.

Как приятно проснуться дома, в своей кровати. Егор открыл глаза и потянулся. Вдруг он чётко услышал, как на кухне брякают кастрюли, потянул носом, и аромат варёной картошки полностью разбудил его ото сна. На цыпочках, стараясь не шуметь, прокрался на кухню. Возле печи хозяйничала тётя Аня. Егор вернулся в кровать, но уснуть так и не смог. Грохот кастрюль набатом отдавался в голове ребёнка. Бесшумные шаги молодой женщины топотом врезались в его сознание. Егор положил подушку на голову и обхватил её руками. «Это она виновата! Во всём виновата!» – слёзы душили его изнутри.

Отец каждое утро уходил на работу, и Егор, хотелось ему или нет, оставался с Анной. Анна была доброй и хорошей хозяйкой. Во дворе, в доме и в огороде был порядок. Она успевала всё: постирать бельё и приготовить на стол. Егор же замкнулся в себе, на уговоры и просьбы Анны помочь, отмалчивался. Тут ещё ребята соседские приставали с расспросами «как ему живётся с новой мамкой?»

– Да не мамка она мне! – кричал разъярённый Егор и убегал.

– Беги. Беги! От себя не убежишь! – кричали вслед пацаны.

Бежать было некуда. Каждый раз он возвращался домой с мыслью, что Анны там уже нет, что отец выгнал её. Неужели отец не видит, как плохо ему, Егору? Оставаться на целый день с Анной было настоящей пыткой. Он винил её во всех своих несчастьях. Стараясь навредить Анне, переворачивал корыто с водой, двери в курятнике открывал, разваливал поленицу дров. Один раз курей в огород загнал, так они там все грядки поразгребли. Анна только вздыхала, наводила порядок, но никогда не жаловалась отцу.

К осени Анна заметно поправилась. «Во, как разъелась на наших харчах!» – думал Егор, наблюдая, как Анна несёт огромное ведро воды. Она то и дело останавливалась, потирала спину. Наполнив корыто, Анна присела на лавку, закрыла глаза, подставив усталое лицо ласковым осенним солнечным лучикам. Егор, дождавшись, когда отвернётся Анна, подкрался и перевернул корыто с водой. Целый водопад хлынул к ногам Анны. Женщина заплакала, сняла платок с головы, вытерла слёзы и медленно направилась к колодцу. Егор же, довольный своей проказой, бежал по тропинке вдоль огорода, прутиком тарахтя по забору.

Вечером, ужиная за столом, отец спрашивал, как прошёл день, помогает ли Егор по хозяйству.

– Конечно, – сказала уставшая, но всегда улыбающаяся Анна, – он большой молодец!

Щёки Егора предательски налились алым цветом, он опустил голову, чувство стыда подступило к горлу и не давало дышать. Он вылез из-за стола. Буркнул, что хочет спать и ушёл в свою комнату. Потом долго ворочался в кровати, пока ни уснул.

Проснулся поздно. Анны в доме не было. Егор вышел на улицу, по-хозяйски оглядел двор. Засучив рукава, подошёл к куче дров, что наколот отец, и стал складывать их в поленницу. К обеду солнце палило нещадно, пот обжигающими струями стекал по лицу Егора, но он продолжал работать. Анна медленно плелась с огорода. Впервые, проходя мимо Егора, она не обронила ни слова и, немного постояв на крыльце, зашла в дом.

Жуткий крик Анны словно вернул Егора из небытия, он бросился в дом. Анна лежала на кровати, лицо её, перекошенное от боли, было опухшее от слёз. Мокрые волосы растрепались по подушке. Всегда весёлая Анна корчилась,

хватая себя то за живот, то за голову. Перепуганный Егор в два прыжка заскочил на печку и задвинул занавеску, пытаясь спрятаться от увиденного. Крики Анны оглушали его, он выглянул из своего укрытия. «Как мама», – подумал Егор. Чувство жалости к бедной женщине и страх смерти боролись где-то внутри него. Он слез с печки, подошёл к Анне, взял её за руку и сказал: «Потерпи, Анна». Он видел – так делал его отец, когда мама болела. Анна посмотрела на Егора и прошептала: «Беги к бабке Полине, скажи, что началось...» Рука Анны обмякла в руке Егора. Он выскочил из дома и что было духу понёсся к Полине. Всё мелькало перед глазами: старая изгородь, старушки, сидящие на лавочке, большой красный петух, заклятый враг Егорки, уже приготовился к бою. «Только не сейчас», – подумал Егор и пошёл на таран с петухом. Петух, не ожидая такого поворота событий, захлопал крыльями и взлетел на изгородь. Краем уха Егор услышал угрожающее петушиное «Ку-ка-реку!» Но Егорка был уже далеко.

Бабка Полина сидела на лавке, вязала носки.

– Тётя Аня помирает! – захлёбываясь слезами, Егор уткнулся в юбку Полины.

– Сиди здесь, – спокойно сказала Полина и, собрав что-то в узелок, ушла.

Время как будто остановилось. Егор долго плакал, винил себя в смерти Анны. «Не такая уж и плохая эта тётя Аня. Добрая. И ведь любила его, Егора, несмотря на все его выходы. Не надо было с ней так», – думал Егор, но легче ему не становилось, а даже наоборот: хотелось кричать, колотить руками в стену, звать на помощь всю округу!

Бабка Полина вернулась поздно вечером. «Переночуешь сегодня у меня», – сухо сказала старушка. Егор боялся уснуть. Закрывая глаза, ему мерещилось перекошенное от боли лицо

Анны. Бороться со сном было уже невыносимо, и он уснул. Утром Егор не хотел вставать, пока Полина не позвала его завтракать. Он уткнулся в тарелку, боясь посмотреть Полине в глаза, как будто старушка могла прочесть в них его вину перед Анной.

– Беги, Егорка, домой. Теперь ты старший. – Полина нежно обняла Егора, проводила до калитки и осенила вслед крестным знаменем.

Егорка плёлся знакомой тропинкой, за изгородью стоял всё тот же большой красный петух. Завидев Егора, петух зашаркал ногами, устрашающе захлопал крыльями, и уже было собрался взлететь на забор. Егор, сдвинув брови, грозно погрозил петуху кулаком, чего петух явно не ожидал. Отложив сражение, петух начал клевать зерно. Егор ни разу не оглянулся на заклятого врага, твёрдым шагом он шёл домой.

Во дворе Егора встретил отец. Обняв сына, они вместе вошли в дом.

– Познакомься, – сказал отец.

Всё похолодело внизу живота Егора, словно тысячи иголок вонзились в его детское сердце. Слёзы горячим потоком хлынули из его глаз.

– Мама!!! – закричал Егор и попятился назад.

В соседней комнате слышались шаги, и на пороге появилась Анна. Как всегда, нежно улыбающаяся, держала в руках пищащий свёрток.

– Познакомься. Егорка, твоя сестрёнка. Машкой хотели назвать. Ты не против? – спросила Анна, заглянув ему в глаза.

Неожиданная радость только усилила новый поток слёз, и он, в знак согласия, кивнул головой Анне. Егор заглянул в свёрток, но предательские слёзы никак не давали рассмотреть туго перетянутое пелёнкой лицо младенца.

– Какая красивая, – только и смог выговорить Егор. Маленькая Машка лежала в кроватке, причмокивала пухлыми губками. Большие чёрные, как пуговики, глаза, не отрываясь, смотрели на Егора.

Немного успокоившись, Егор набрал воздуха полные лёгкие и с шумом выдохнул. Анна была жива, и это были его последние слёзы.

Анна возилась на кухне. Он подошёл к женщине и тихо произнёс: «Прости. Я больше никогда...» Анна обняла Егора, не дав договорить, и он был благодарен ей за это.

Неизвестно, сколько бы они простояли вот так, обнявшись, если бы в соседней комнате не заплакал ребёнок.

– Мария, – тихо произнёс Егор. Как необычно звучит такое родное имя.

– Мария.

«Теперь он старший брат, и никогда не позволит соседским мальчишкам обижать его Машу. Он сам будет катать её на велосипеде и защищать от петуха. Он будет оберегать её всегда, даже когда вырастет и станет большой. Он будет помогать тёте Ане, чтобы она всегда жила, и маленькая Машка никогда не повторила его судьбу», – Егор смотрел на спящую девочку и строил новые планы на новую взрослую жизнь.